



ПЛОВДИВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО  
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
КАФЕДРА БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

**ВАСИЛ НИКОЛОВ СТАМЕНОВ**

ЗНАЧЕНИЕ *СВИДЕТЕЛЬСТВЕННОСТИ*  
В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

**АВТОРЕФЕРАТ**

ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ СТЕПЕНИ „ДОКТОР“

Область высшего образования 2. Гуманитарные науки  
Профессиональное направление 2.1. Филология  
Докторская программа Болгарский язык

**Научный руководитель:** доц. д-р Красимира Ангелова  
Чакырова

Пловдив  
2024 г.

Диссертация на тему „Значение *свидетельственности* в современном болгарском языке“ обсуждена и предложена к публичной защите на заседании Кафедры болгарского языка при Филологическом факультете Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского 19 февраля 2024 г.

Диссертация содержит 242 стандартных машинописных страниц и состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии (266 источников, 259 из которых кириллических и 7 на латинице) и приложения.

Официальные оппоненты:

проф. д.ф.н. Вера Тервел Маровска  
проф. д.ф.н. Красимира Славчева Алексова  
проф. д-р Велка Александрова Попова  
доц. д-р Антоанета Стефанова Джельова  
доц. д-р Стилиян Иванов Стойчев

Защита диссертации состоится ..... 2024 г. в ..... часов в ..... Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Ректорат, ул. „Цар Асен“ 24.

С материалами диссертационного труда можно ознакомиться в Университетской библиотеке по адресу Ректорат, ул. „Цар Асен“ 24.

# СОДЕРЖАНИЕ

## ВВЕДЕНИЕ

**I ГЛАВА.** Выражение в языке источника информации как объект исследования в лингвистике. Категория эвиденциальности

**II ГЛАВА.** Исследования, посвященные свидетельственности, в болгаристике

2.1. Первые попытки истолкования свидетельственности в грамматиках и грамматических трудах эпохи болгарского Возрождения

2.2. Взгляды на свидетельственность в период после Освобождения и до середины XX века

2.3. Концепции о свидетельственности с середины XX до наших дней

2.4. Обобщение

**III ГЛАВА.** Свидетельственность в болгарском языке в свете диахронии

**IV ГЛАВА.** Формально-семантические и функциональные особенности свидетельских форм в современном болгарском языке

**V ГЛАВА.** Периферийные модификаторы свидетельственности в современном болгарском языке

5.1. Лексические средства

5.2. Синтаксические средства

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

## БИБЛИОГРАФИЯ

## ПРИЛОЖЕНИЕ

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

**Объект исследования.** Объектом исследования в настоящей диссертации является значение *свидетельственности* в современном болгарском языке (далее СБЯ). Мотивы, побудившие нас обратить внимание на этот вопрос, связаны с тем, что он не изучен подробно в болгарском языкознании. С одной стороны, нет единого мнения относительно того, является ли это грамматикализованным значением или нет, а с другой стороны, среди авторов, принимающих тезис, что в СБЯ имеются ряды словоформ, составляющих оппозицию по признаку *свидетельственности* : *несвидетельственности*, нет единства в вопросе о том, в рамках какой морфологической категории она реализуется (Герджиков 1984; Куцаров К. 1998; Ницолова 2008; Маровска 2013; Чакырова 2019 (рукопись); Стойчев 2019 и др.).

Теоретический базис, на котором основывается представленная работа, соответствует достижениям структурной лингвистики и функционально-семантической грамматики (далее ФСГ). Как известно, «функциональная грамматика – это грамматика, а) включающая описание семантических категорий, опирающихся на различные средства грамматического выражения в данном языке в их взаимодействии со средствами лексическими и контекстуальными» (Бондарко 2001: 32). Сочетание двух подходов «от формы к значению и от значения к форме» (Бондарко 2001: 34) является фундаментальным для ФСГ и объединяет структурный и функциональный подход в рассмотрении языковых фактов. Только так можно описать разнородные языковые средства, используемые для выражения определенного значения. Их взаимодействие представлено с помощью модели поля. Понятие функционально-семантического поля (далее ФСП) является ключевым для ФСГ. Под ним понимается «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» (Бондарко 2001: 40). Мы принимаем, что в основе каждой ФСП лежит противопоставление центра и периферии. К центру относятся те языковые средства, которые максимально специализированы для выражения определенного значения. В связи с этим И. Куцаров предлагает ввести термин «модификаторы» (Куцаров 1985). В зависимости от места, занимаемого ими в ФСП, они могут быть ядерными или периферийными (Куцаров 1985: 11). Чаще всего в ядре конкретного ФСП функционирует определенная морфологическая категория (далее МК). В настоящей работе мы

придерживаемся определения МК, данного А. В. Бондарко: «система противоположных рядов морфологических форм внутри определенной части речи, имеющих единообразное содержание» (Бондарко, цит. по: Куцаров 1985: 12). Периферийные модификаторы – это те лингвистические средства, которые также могут выражать смысл, лежащий в основе конкретного ФСП, но не в качестве единственной функции. В зависимости от языкового уровня, к которому они относятся, модификаторы бывают следующих типов: «синтаксические, морфологические, лексические, словообразовательные, акцентологические» (Куцаров 1985: 29). Мы согласны с мнением И. Дуриданова о невозможности существования одночленных морфологических категорий: «Там, где нет хотя бы двух граммем, подчиненных общей грамматической категории, последняя перестает существовать» (Дуриданов 1973: 48). Оппозиции между членами той или иной морфологической категории могут быть привативными или эквиоплетными. Оба понятия мы используем в соответствии с пониманием Р. О. Якобсона оппозиции между маркированными и немаркированными граммами: «утверждение А — отсутствие утверждения А» (Якобсон 1972: 103), или маркированными граммами. Дополнительное теоретическое уточнение, которое нам необходимо сделать, состоит в том, что мы принимаем существование граммы умозаключительного наклонения как части МК наклонения (см. Куцаров 1994). Мы придерживаемся положения, что те глагольные формы, которые содержат морфему *-x-/-u(e)-*, являются свидетельскими (Иванчев 1986, Александров 1987, Шаур 1989, Куцаров 2007)<sup>1</sup>, а немаркированными свидетельственностью будем считать все грамматические образования, не содержащие флексию *-x-/-u(e)-* (Куцаров 2013: 18).

В диссертации использовались методы наблюдения, оппозиции, анкетного исследования, обобщения.

Ввиду сказанного выше, укажем основные цели, которые мы ставили перед собой в данной диссертационной работе:

1. Коротко проанализировать в общетеоретическом плане разные мнения о свидетельственности.
2. Проследить, каким образом развивалась в болгарской лингвистике идея о свидетельственности как грамматическом значении.
3. Представить свою концепцию о месте значения *свидетельственности* в морфологической системе современного болгарского языка.

---

<sup>1</sup> В группу грамматических образований со значением свидетельственности мы включаем также непересказывательные и неумозаключительные формы аориста второго и третьего лица единственного числа.

4. Представить свои наблюдения о том, как современные носители языка воспринимают глагольные формы, выражающие свидетельственность.

5. Проследить за функционированием форм свидетельственности в разных текстах, учитывая результаты уже существующих исследований, посвященных интересующей нас проблеме (Андрейчин 1942, Янакиев 1962; Станков 1969; Ницолова 2007; Ницолова 2009; Макарцев 2013).

6. Поискать возможный ответ на вопрос, является ли морфема *-x/-ш(e)-* в формах 1. л. ед. ч. аористно-имперфективного типа: *писах, пишеш, бях писал, щях да пиша, щях да съм писал, бидох писан, щях да съм писан* и др. кумулятивным маркером двух грамматических значений – свидетельственности и персональности, а также на вопрос, почему она отсутствует в формах в 3. л. ед. ч.

7. Описать языковые средства, которые самостоятельно или в комбинации друг с другом могут эксплицировать семантику свидетельственности.

**В структурном отношении** диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложения.

**В первой главе** представлены разные мнения насчет значения *свидетельственности* в общетеоретическом плане. М. М. Макарцев, ссылаясь на В. Фридмана, отмечает, что «по всей видимости, наиболее раннее описание функционирования эвиденциальности относится к XI веку» (Макарцев 2014: 18). В начале двадцатого века термином *evidential* (*evidentiality*) пользовался Ф. Боас, чтобы назвать те способы, которыми говорящий мог приобрести сообщаемую информацию: «в то время как для нас определенность, число и время являются обязательными способами, мы узнаем из другой языковой области, является ли говорящий или кто-либо другой [...] источником информации – увиденной, услышанной или в результате умозаключения – в качестве обязательных способов» (Боас, цит. по Эйхенвальд: 2004: 1). Тезис о существовании самостоятельной грамматической категории *evidential* высказан Р. О. Якобсоном (см. Якобсон 1972). В болгарском языкознании выдающийся труд Р. О. Якобсона был предметом обсуждения в статье И. Куцарова «Evidential – это не пересказывательность» («Evidential не е преизказност», Куцаров 2007), в которой он показал, что категория *evidential* получила весьма противоречивое определение. Скорее всего, Р. О. Якобсон имел ввиду оппозицию свидетельственность : несвидетельственность, которая, однако, была неправильно представлена, как пересказывательность : непересказывательность: «В спряжении болгарского глагола различаются две семантически противопоставленные системы форм: „прямое повествование“ (Ens—Es) и „косвенное повествование“ (Ep\*ФEs)» (Якобсон 1972: 101). Вслед за знаменитой работой Р. О. Якобсона были опубликованы

специализированные исследования, посвященные эвиденциальности. А. Эйхенвальд отмечает, что «примерно в четверти языков мира каждое высказывание должно указывать тип источника, на котором оно основывается» (Эйхенвальд 2004: 1). По мнению И. А. Мельчука, «[к]атегорией эвиденциальности называется категория, граммымы которой показывают, каким образом говорящий узнал о факте F<sup>n</sup>» (Мельчук 2015: 190). Автор подчеркивает, что эвиденциальность является глагольной категорией и «в идеале включает в себя пять граммем: *нейтральность, экспериментив, цитатив, инферентив и презумптив*» (Мельчук 2019: 190–191). И. А. Мельчук не приводит примеров свидетельского отношения говорящего к сообщаемому факту из болгарских источников.

Р. Ницолова защищает тезис о существовании в современном болгарском языке четырехчленной морфологической категории эвиденциальности: «Эвиденциальная система в болгарском языке состоит из четырех граммем: индикатива, конклюдива, ренаратива и дубитатива» (Ницолова 2003: 109; 2006: 28). Исследователь Р. Ницолова не исключает возможности того, что в некоторых языках мира значение *свидетельственности* выражается определенной флексией: «возможна также особая маркировка в тех случаях, когда говорящий подчеркивает, что он был очевидцем описываемых им событий» (Ницолова 2007: 14), но она не выделяет граммемы *свидетельственности* в современном болгарском языке и не называет специализированного показателя значения *очевидности*. Таким образом, оказывается, что грамматический индикатив присутствует в двух самостоятельных морфологических категориях, а именно: в наклонении и эвиденциальности: «В болгарском языке модальность и эвиденциальность, с нашей точки зрения, представляют собой отдельные грамматические категории» (Ницолова 2006: 28). В рамках категории эвиденциальности индикативом «выражается значение, основанное на личном восприятии или общем опыте говорящего» (Ницолова 2006: 29). Как видно, Р. Ницолова пытается объединить значение *свидетельственности*, выражаемое некоторыми изъявительными формами, с личным подтверждением истинности информации со стороны говорящего. Такой подход соответствует защищаемому ей тезису о том, что эвиденциальная система в болгарском языке частично модализована (Ницолова 2006, 2007). Значение *свидетельственности* рассматривается как характерная особенность аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, футурум претерити (Ницолова, Со Янг Ким 2020: 348), а также демонстрируется возможность употребления перечисленных граммем в контексте несвидетельственности (Ницолова 2006,

2008). Грамматическая категория эвиденциальности<sup>2</sup> рассматривается Р. Ницоловой как элемент более широкой категории, названной «характеристика информации, сообщаемой говорящим» (Ницолова 2003: 108). К. Алексова – еще один болгарский лингвист, признающий существование морфологической категории эвиденциальности. Эта категория в модели автора также состоит из четырех граммем: индикатива, конклюдива, ренарратива, инвертатива (Алексова, [http](http://)). Значение *свидетельственности* не рассматривается как главная характеристика части изъявительных форм и как отмеченное определенной флексией. Е. Тырпоманова также является сторонницей теории эвиденциальности в болгарском языкознании (см. Тырпоманова 2015).

В обобщение можно сказать, что первые попытки представить разнообразные способы получения говорящим сообщаемой информации возникли в результате наблюдений над языками, принадлежащими к разным языковым семьям. По всей вероятности, это является одним из возможных объяснений того, почему Р. О. Якобсон дал весьма противоречивое определение категории *evidential*. По мнению А. Ю. Эйхенвальда, И. А. Мельчука и Р. Ницоловой, значение *свидетельственности* может быть граммемой в составе категории эвиденциальности, но в болгарском языке не представлена модель эвиденциальной системы, в которой формы свидетельственности образовали бы самостоятельную парадигму. В. Фридман не принимает утверждения о существовании грамматического признака *свидетельственности* (Фридман 1986), а Р. Ницолова, К. Алексова, Е. Тырпоманова и М. Макарцев не отрицают возможности употребления некоторых изъявительных форм преимущественно в контексте свидетельственности, однако использование их же при изложении достоверных сведений, очевидцем которых говорящий не был, является причиной того, что они не согласны с тезисом о существовании самостоятельного грамматического значения *свидетельственности*. На наш взгляд, аргументом в пользу тезиса о том, что свидетельственность в современном болгарском языке является грамматикализованным значением, является невозможность с помощью форм, содержащих *-х/-ш(е)-*, передать подробности произошедшего в прошлом события, если говорящий при нем не присутствовал, даже будь он уверен в достоверности изложенных сведений» (Станков 1967, 1969).

Во **второй главе** объектом анализа являются разные мнения о *свидетельственности*, бытующие в современном болгарском языке.

---

<sup>2</sup> В других исследованиях Р. Ницолова отмечает, что «эвиденциальность в широком смысле слова есть категория текста, а вербальная эвиденциальность — лишь один из способов ее выражения» (Ницолова 2006: 27).

Изложение начинается обзором грамматических трудов эпохи Возрождения и заканчивается изложением концепций современных лингвистов. Осуществленный нами обзор наиболее известных грамматических работ, опубликованных в период 1835–1876 годов, показывает, что очень немногие авторы описывают возможность говорящего на болгарском языке пользоваться специализированными глагольными формами, чтобы показать, что он является очевидцем сообщаемого факта. Включенные в некоторых грамматиках формы, содержащие *-x/-u(e)-*, не свидетельствуют о попытках первых болгарских грамматистов объяснить эту особенность современного болгарского языка, отличающую его от большинства близкородственных славянских языков. Значение *свидетельственности* упомянуто в анонимной рецензии на грамматику Г. Мирковича, опубликованной в 1860 г. (см. Пырвев 1975: 208). Анонимный рецензент предлагает способ различения прошедшего несовершенного и прошедшего относительного времени: «прошедшее несовершенное всегда означает действие, которое несомненно произошло или было увидено или услышано говорящим» (цит. по Пырвев 1975: 208). Вторым писателем эпохи Возрождения, нащупавшим значение *свидетельственности*, был С. Радулов. В парадигму «неопределенного времени» он включает и пересказывательные формы третьего лица типа *копал, копали* (см. Радулов 1870: 74), обосновывая свое решение в сноске следующим образом: «форма *копал, копали* вместо *копах, копах* употребляется, когда говорится о происшествии, очевидцем которого говорящий не был, но узнал о нем от других» (Радулов 1870: 74). Здесь интересно то, что немаркированная морфемой *-x-* словоформа *копа* указывается как выразитель значения *свидетельственности*.

В период после Освобождения и до 1936 г. издавались грамматики, предназначенные в основном для нужд школьного образования. Можно сказать, что они мало чем отличаются от грамматических сочинений, изданных в эпоху Возрождения, поскольку ни в одной из них вопрос о *свидетельственности* не занимает центрального места. Период с 1936 по 1944 годы отличается опубликованными научными грамматиками болгарского языка, в которых изложение подчинено определенной теоретической платформе, авторы следуют актуальным для того времени школам и направлениям в языкознании. К сожалению, рассмотрение темы *свидетельственности* почти ничем не отличается в двух типах грамматик. Часть авторов отмечает возможность употребления некоторых глагольных форм (в основном аориста и имперфекта) как обязательных, если говорящий является очевидцем сообщаемого факта, однако большинство исследователей не предлагает модели морфологической категории, в рамках которой реализуется противопоставление *свидетельственности* :

*несвидетельственности*. В качестве исключения из общей тенденции выделяются концепции Ю. Трифонова, Б. Цонева и Н. Костова.

В конце XIX века Ю. Трифонов опубликовал обзор, посвященный части изданных школьных грамматик (Трифонов 1896). В нем он вводит термины «воспринимаемое» и «невоспринимаемое» время, которые – если исходить из понимания самого автора – означают противопоставление признаков *свидетельственность : несвидетельственность*. Позднее автор возвращается к названию «невоспринятое время», чтобы охватить все формы, при помощи которых «говорящий не рассказывает, как очевидец» (Трифонов 1905: 169). Верно замечено, что косвенные формы<sup>3</sup> составляют лишь часть несвидетельственных грамматических образований (ср. Трифонов 1905).

Мы полагаем, что рассуждения Ю. Трифонова оказали определенное влияние на Б. Цонева. Проанализировав различные значения, которые Б. Цонев приписывает терминам *определенность : неопределенность* в рамках глагольного спряжения (Цонев 1985), мы пришли к выводу, что оппозиция *прямое : косвенное высказывание* для него иллюстрирует оппозицию, основанную на признаках *свидетельственности : несвидетельственности*.

Н. Костов принимает концепцию Б. Цонева насчет определенных и неопределенных глагольных форм в болгарском языке, и таким образом, он становится третьим лингвистом, который пытается представить ряды словоформ, иллюстрирующие противопоставление по признаку *свидетельственности : несвидетельственности*: «Формы прошедшего времени болгарского глагола распределяются с удивительной точностью в зависимости от того, представлен говорящий очевидцем случившегося, или нет» (Костов 1939: 189). Следует отметить, что в «Болгарской грамматике» Н. Костова ренарратив и конклюдив не всегда осознаются как самостоятельные значения, так как их парадигмы часто переплетаются, но положительным фактом является то, что автор уловил семантику несвидетельственности обоих типов форм, использующихся в косвенном повествовании, и противопоставляет их, вместе взятых, свидетельским формам: «Между формами прямого и косвенного повествования обнаруживается полное соответствие. Таким образом, напротив прошедшего несовершенного времени находится прошедшее неопределенное несовершенное (второй имперфект<sup>4</sup>), напротив прошедшего совершенного стоит форма прошедшего

---

<sup>3</sup> Этим термином Ю. Трифонов называет пересказывательные формы.

<sup>4</sup> Термин объединяет пересказывательные и конклюдивные формы презенса (см. Костов 1939: 143).

неопределенного совершенного (перфект), а напротив заранее прошедшего – давнопрошедшее совершенное<sup>5</sup>» (Костов 1939: 190). ).

Период после 1944 года отличается большим разнообразием концепций, связанных со значением *свидетельственности*, но до исследований Е. И. Деминой, В. Станкова, Й. Пенчева, Г. Герджикова, А. Александрова, К. Куцарова, В. Маровской, К. Чакировой, Р. Ницоловой, К. Алексовой, И. Куцарова, С. Стойчева и др., посвященных этой проблеме, свидетельственность продолжали рассматривать как характерную особенность некоторых изъявительных форм, не предлагая модели морфологической категории, частью которой она могла бы быть. Намечается несколько различных подходов: одна группа исследователей подчеркивает свидетельское значение только тех форм индикатива, которые содержат грамматическую морфему *-х-/-и(е)-* (Андрейчин 1942)<sup>6</sup>, (Конески 1967) (Маслов 1956, 1981), (Пашов 1999); другие лингвисты определяют все изъявительные формы как свидетельские, указывая, что только некоторые из них могут быть использованы, когда говорящий является очевидцем сообщаемого факта (Стоянов 1964; Бейнова 2013); специфично мнение тех лингвистов, которые считают все изъявительные формы свидетельскими, не приводя дополнительных пояснений (Крыстев 1992; Крыстева 2003).

Несмотря на то что во второй половине двадцатого века тезис С. Иванчева о существовании свидетельской флексии *-х-* был принят и другими лингвистами (Александров 1987, 1988; Шаур 1989, Куцаров 2007; Куцаров К. 1998 и др.), у отдельных исследователей наблюдаются отличия в числе форм, составляющих грамему *свидетельственность* (ср., например, удостоверительный модус у А. Александрова и грамему *свидетельственность* в модели К. Куцарова для категории осведомленности говорящего лица). Разнообразие точек зрения требует уточнить, что мы считаем свидетельскими формы следующих граммем: аорист, имперфект, плюсквамперфект, футурум претерити, футурум экзактум претерити, аналитический кондиционал, аналитический относительный непересказывательный императив. Наличие грамматических свидетельских форм предполагает обособление грамемы, в которой они были бы объединены. В болгарском языкознании существует несколько концепций, указывающих на место грамматикализованной свидетельственности в морфологической системе. Выделяются следующие предложения:

---

<sup>5</sup> Термин объединяет пересказывательные и конклюдивные формы типа *били са плели, били ходили* (см. Костов 1939: 146).

<sup>6</sup> В «Основной болгарской грамматике» («Основна българска граматика») Л. Андрейчин высказывает противоречивые утверждения о несвидетельственном значении перфекта (см. Андрейчин 1942).

возможность описать свидетельственность в рамках немаркированной граммы индикатива (Станков 1967) или непересказывательности (Пенчев 1967), рассматривать ее как самостоятельную грамму в многочисленной морфологической категории степени очевидности информации/evidential (Демина 1970, 1973, 1974), как модус высказывания (Герджиков 1984), (Александров 1987, 1988) или как осведомленность говорящего лица (Куцаров К. 1998). В. Маровска включает свидетельские относительные формы в трехграммную морфологическую категорию таксиса (Маровска 2013), в то время как С. Стойчев представляет оппозицию грамматических образований типа *пишеше* и *пишел е* как эквиполентную, но в рамках самостоятельной морфологической категории эвиденции глагольного действия (Стойчев 2019). Р. Ницолова рассматривает свидетельственность как значение, характерное для некоторых форм индикатива (Ницолова 2008). И. Куцаров высказывает гипотезу о том, что свидетельственность могла бы быть частью двухчленной морфологической категории evidential в понимании Р. О. Якобсона (Куцаров 2017). Предложение В. Станкова описывать свидетельственность в рамках немаркированной граммы индикатива не позволяет отнести к группе свидетельских форм субъективно-модальную грамму кондиционала и относительные аналитические императивные грамматические образования, содержащие морфему **-x-/-u(e)-**. Х. Аронсон представляет конфирмативную семантику, которой, по его мнению, маркируются аорист и имперфект, в рамках немаркированной непересказывательности (Аронсон 1967). Й. Пенчев выделяет в группу непересказывательных грамматических образований свидетельские формы аориста, имперфекта, футурум претерити и футурум экзактум претерити. Такой подход, однако, требует ответа на теоретический вопрос о том, противопоставляется ли значение, существующее внутри определенной граммы, только тем формам, которые входят в ее состав. Имеется в виду то, что в болгарском языке существуют непересказывательные свидетельские и непересказывательные несвидетельские формы, но за рамками непересказывательности функционирует ренарратив, который никогда не сочетается со свидетельской флексией **-x-/-u(e)-**. А. В. Бондарко отмечает, что обязательным условием существования морфологической категории является «наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм» (Бондарко 1976: 12). Основным аргументом, который приводит И. Куцаров в поддержку гипотезы о том, что в современном болгарском языке оправдано выделение двухчленной морфологической категории, основанной на оппозиции *свидетельственность* : *несвидетельственность*, связан как раз с существованием двух рядов форм, один из которых представлен грамматическими образованиями, содержащими **-x-/-u(e)-**, а другой – без свидетельского маркера (Куцаров 2017: 49). Предложение выделить

двухчленную морфологическую категорию очевидности существенно отличается от концепций, согласно которым граммема *свидетельственности* входит в состав многочленной морфологической категории. В предложенной Е. И. Деминой модели трехчленной категории степени очевидности информации, или *evidential*, значение *свидетельственности* рассматривается как немаркированная граммема. Поскольку в данном тексте мы придерживаемся другого тезиса, мы не можем согласиться с этим решением. Исходя из того, что в современном болгарском языке нет несвидетельской флексии, мы считаем, что значение *свидетельственности* следует понимать как маркированное. По мнению Е. И. Деминой, Г. Герджикова и Р. Ницоловой, из первоначального противопоставления значений *свидетельственности* и *несвидетельственности* в дальнейшем выделились ренарратив и конклюдив, но из двух противоположных значений одно всегда имеет формальный показатель. В своей статье «Место перфекта в системе болгарского глагола» Р. Ницолова отмечает, что «[б]лагодаря определенной локализации действия в плане прошедшего аорист (и имперфект) стали обозначать свидетельские действия, а перфект, чей интервал включает в себя момент речи, стал немаркированным по признаку засвидетельствованности и начал очень часто обозначать несвидетельские действия» (Ницолова 2020: 272). Если значение *свидетельственности* было раньше маркировано в языковой системе, то существование свидетельской флексии следует признать и сегодня, но, по мнению Р. Ницоловой, в категории эвиденциальности немаркированным членом является граммема индикатива, к которому относятся и формы аористно-имперфектного типа (см. Ницолова 2003, 2006, 2008). В модели А. Александрова свидетельские формы представлены частью граммема удостоверительного модуса. В качестве их формального показателя автор указывает морфему *-х/-и-* (Александров 1987). Причина, по которой мы не согласны с концепцией участия граммема *свидетельственности* наряду с пересказывательными, умозаключительными и усиленно-пересказывательными формами в одной и той же морфологической категории заключается в том, что мы приняли принцип, согласно которому морфологические гиперкатегории «избыточны при описании грамматической структуры языка» (Жуцаров 2017: 57). Однако мы считаем, что предложенная А. Александровым модель, включающая все формы, с помощью которых можно построить связное повествование: нейтральные, свидетельские, пересказывательные, умозаключительные – может рассматриваться как текстовая категория. Р. Ницолова отмечает, что категория *evidential* в широком смысле является текстовой категорией (Ницолова 2008: 336), но в ней свидетельские и нейтральные формы объединены в рамках граммема индикатива. Нам кажется оправданным их выделение, поскольку мы допускаем наличие четырех повествовательных

планов в сфере прошлого: пересказывательного, умозаключительного, нейтрального и свидетельского, которые дают: «возможность повествователю выбирать между той или иной повествовательной стратегией, чередовать разные комплексы, и тем самым добиться максимального воздействия на реципиента» (Чакырова 2008: 2). На наш взгляд, имеются некоторые противоречия в концепциях В. Маровской о трехчленной морфологической категории таксиса, К. Куцарова о трехчленной морфологической категории типа высказывания/осведомленности говорящего лица и С. Стойчева о самостоятельной категории эвиденции глагольного действия. Предложенные модели охватывают не все формы болгарского глагола. В. Маровска и С. Стойчев не включают туда ренарратив как граммему, привативно или эквиполентно противопоставленную свидетельственности. Напомним, что мы придерживаемся мнения И. Куцарова, согласно которому «каждая из словоформ участвует во всех морфологических категориях соответствующей части речи» (Куцаров 2007: 27). В модели К. Куцарова есть место как ренарративу, так и конклюдиву, но поскольку формами обеих этих грамем можно построить связанное повествование, мы не принимаем оправданным, что только одна из них (ренарратив) может составить равноценную оппозицию свидетельственности. Мы придерживаемся тезиса, согласно которому нейтральные формы высказывания<sup>7</sup>, конклюдив и ренарратив несвидетельственны в одинаковой мере, поскольку они не содержат морфемы *-x/-u(e)-*. И. Куцаров отмечает, что пересказывательные грамматические образования «в рамках оппозиции свидетельственности ~ несвидетельственности (не имеющие никакого отношения к рассматриваемому явлению<sup>8</sup>) [...] попадают в число несвидетельских» (Куцаров 2013: 18). Рассмотрение двух рядов форм, иллюстрирующих оппозицию по признаку *свидетельственность : несвидетельственность*, является возможностью, предложенной И. Куцаровым, но требующей ответа на ряд вопросов общетеоретического характера. Первый из них связан с

---

<sup>7</sup> Мы пользуемся терминологическим словосочетанием в понимании М. Янакиева.

<sup>8</sup> Имеется в виду явление пересказывательности. И. Куцаров, как и Е. И. Демина, придерживается модели, согласно которой ренарратив является маркированным членом самостоятельной морфологической категории (у И. Куцарова – тип высказывания), но в то же время его формы входят в большой ряд несвидетельских грамматических образований, составляющих граммему несвидетельственности, которая является членом в другой морфологической категории (evidential у Е. И. Деминой и «очевидность» у И. Куцарова).

существованием асимметричных рядов словоформ<sup>9</sup>. По нашему мнению, не является необходимым условием, чтобы форм, представляющих граммему одной морфологической категории, было столько же, сколько форм другой граммемы той же категории. Факт, что граммема *свидетельственности* имеет меньше форм, чем граммема *несвидетельственности*, не должен служить аргументом против выделения двухчленной категории *рецептивности* (термин К. Чакировой). Граммемы, составляющие морфологические категории положения у имен существительных, прилагательных, числительных, а также у притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений, представлены граммами, имеющими одинаковое число форм. С другой стороны, в спряжении глаголов СБЯ нет морфологической категории, которая была бы представлена симметричными рядами словоформ. Согласно концепции И. Куцарова о самостоятельных морфологических категориях времени, таксиса и вида высказывания, в настоящем времени большее количество форм, чем в прошедшем. Зависимый таксис представлен большим количеством словоформ по сравнению с независимым таксисом, так как в болгарском языке пересказывательные и умозаключительные формы всегда относительны, и т. д. Г. Герджиков отмечает, что при выделении удостоверительных форм из плана прошлого по тому, выражают ли они свидетельское отношение говорящего к предъявляемой информации или нет, оказалось бы, что они различались бы двумя дистинктивными признаками и не могли бы быть частью категории времени (Герджиков 1977: 11). Однако мы не придерживаемся концепции существования гиперкатегории времени в болгарском языке. А. В. Бондарко не указывает в качестве обязательного условия, что формы, входящие в ту или иную морфологическую категорию, должны отличаться лишь одним отличительным признаком: «Единственное требование к плану выражения морфологических категорий (в языках флективно-синтетического типа) – это наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм» (Бондарко 1976: 32). Российский исследователь представляет свой тезис о том, что грамматические формы образуют оппозиции «однородных» и «неоднородных» грамем (Бондарко 1976: 138–141). По мнению автора, «[в] „наиболее чистом“ виде оппозиция однородных грамем представлена в оппозиции тех форм, которые тождественны по всем остальным признакам» (Бондарко 1976: 139). В составе примеров указаны пары *плод – плоды, плоду – плодам*, которые отличаются только значением числа (Бондарко 1976: 1939).

---

<sup>9</sup> Мы пользуемся словосочетанием „асимметрические ряды словоформ“, чтобы назвать те случаи, в которых граммема определенной морфологической категории представлена большим числом форм, чем другая граммема, вступающая с первой в оппозицию.

А. В. Бондарко, однако, отмечает, что «[н]екоторые формы, входящие в граммему, могут не иметь точного соответствия в противоположной граммеме (граммемах), или вообще не иметь соответствия» (Бондарко 1976: 139); «оппозиции однородных морфологических форм могут не исчерпывать всех форм, входящих в противостоящие друг другу ряды, равно как и в эти ряды могут входить несоизмеримые формы, то есть формы, не образующие одномерных пропорциональных оппозиций. Такие формы, конечно, участвуют в общей оппозиции граммем, так же как они противопоставляются любому другому члену противоположного ряда, но уже на ином основании – при наличии двух и более дифференциальных признаков» (Бондарко 1976: 139–140).

В контексте подобных рассуждений добавим еще, что наличие большего числа несвидетельских форм в современном болгарском языке можно объяснить народопсихологией болгарина, который, по мнению Ю. Трифонова, недоверчив по своей природе (см. Трифонов 1905).

Принятие тезиса о наличии грамматикализованного значения *свидетельственности* в СБЯ является причиной существования рядов форм, отличающихся более чем одним дистинктивным признаком. В нынешнее время пара *писа* и *пише* иллюстрирует отличие не только в рамках противопоставления прошлого и настоящего времени, но также в пределах оппозиции *свидетельственность* : *несвидетельственность*. Оказывается, что значение *свидетельственности* – это не единственная причина существования в морфологической системе современного болгарского языка рядов форм, отличающихся по двум признакам.

Пересказывательные формы в составе гиперкатегории модуса высказывания отличаются от умозаключительных по двум значениям:

	<i>пишел</i>	<i>пишел е</i>
пересказывательность	+	–
умозаключительность	–	+
относительность	+	+
свидетельственность	–	–

Формы типа *пишел* и *пишел е* являются в равной мере несвидетельскими. Однако, в то время как *пишел* маркирована

пересказывательностью и не маркирована субъективностью, *пишел е* выступает непересказывательной конклюдивной формой.

Принять тезис о существовании грамматикализованного значения *свидетельственности* значит признать, что двухчленная морфологическая категория вида высказывания, в которой противопоставляются граммы пересказывательности и непересказывательности, основывается на неоднородных оппозициях, ср.:

	<i>пишеше</i>	<i>пишел</i>
относительность	+	+
пересказывательность	–	+
умозаключительность	–	–
свидетельственность	+	–

*Пишеше* и *пишел* отличаются одновременно по признакам *пересказывательности* и *свидетельственности*.

Оказывается, выявление двухчленной категории *рецептивности*, в которой маркированная граммма *свидетельственности* противопоставлена немаркированной *несвидетельственности*, не противоречит основным принципам теории морфологических категорий, разработанной А. В. Бондарко. В болгарском языкознании есть граммы, содержащие в себе большее число форм, чем те граммы, с которыми они вступают в оппозицию. Отличие по двум дистинктивным признакам – это особенность флективных языков, не исключающая возможности обособления отдельной морфологической категории (Бондарко 1976).

Тот факт, что свидетельственность в болгарском языке соотносится с формами абсолютного предшествования и зависимого таксиса, является причиной постановки вопроса, можно ли рассматривать категорию рецептивности как «скрытую» категорию. Термины «скрытая» и «явная» категория определяются Б. Л. Уорфом следующим образом<sup>10</sup>: «Открытая (явная) категория – это категория, которая находит формальное выражение в каждом предложении, содержащем член этой категории (за некоторыми

<sup>10</sup> Мы выражаем благодарность С. Димитровой за разъяснение того, что термин „криптотип“ в американской лингвистике имеет разные толкования и используется только в описании языков американских индейцев.

редкими исключениями)» (Уорф 1972: 45); «Скрытая категория выражается специальной морфемой или особым типом предложения только в некоторых случаях и никогда во всех предложениях, в которых представлен член этой категории» (Уорф 1972: 47). Наличие формального показателя является ведущим критерием для американского исследователя, на основании которого он обособляет два типа языковых категорий. Этот подход применяется и другими авторами. Российский лингвист С. Д. Кацнельсон разделяет мнение Б. Л. Уорфа, уточняя, что скрытые категории не выражаются самостоятельно в языке, но из этого не следует, «что скрытые категории не имеют звукового выражения» (Кацнельсон 1972: 83). Об их существовании сигнализируют «грамматически оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки» (Кацнельсон 1972: 83). В книге Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» (Булыгина, Шмелев 1997) обнаруживаются интересные размышления на тему скрытых значений и более широкого толкования термина грамматическое значение, принятого авторами. По мнению обоих лингвистов, отсутствие формального маркера определенного значения не является основанием для того, чтобы оно не могло быть грамматическим, если соблюдается критерий его обязательного выражения, независимо от типа используемых для этой цели языковых средств (Булыгина, Шмелев 1997: 21 – 24). По мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, скрытые грамматические значения не выражаются флексиями<sup>11</sup> (Булыгина, Шмелев 1997: 21–24). В представленной работе мы придерживаемся узкого понимания грамматического значения. Мы полагаем, что если значение не имеет собственного маркера (нулевого или ненулевого), то оно не является грамматическим.

В болгарском языкознании понятие криптотипа/скрытой категории использовали М. Пенчева, С. Буров, К. Чакурова. М. Пенчева и С. Буров придерживаются такого понимания криптотипа, согласно которому скрытые значения не выражаются определенными флексиями. Оба исследователя сосредоточиваются на системе рода в болгарском языке, и это предопределяет выбранный ими подход (Пенчева 2001; Буров 2004). С. Буров аргументирует тезис о существовании скрытого *лично-мужского/лично-женского* значения, которое «взаимодействует с ГК рода имен существительных, обозначающих лица» (Буров 2004: 306). Исследователь указывает, что это «не

---

<sup>11</sup> Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев уточняют, что терминологическое словосочетание „флективный криптотип“, которым они пользуются, является не вполне подходящим, так как оно связано с флективным выражением определенного значения, и это не тот смысл, который они вкладывают в него (см. Булыгина, Шмелев 1997: 25).

грамматикализованное значение» (Буров 2004: 326) данной категории. К. Чакырова защищает тезис о том, что грамматическое значение *итеративности*, которое выражается морфемой *-ва* и ее алломорфами, является частью скрытой в рамках глагольного вида морфологической категории *повторяемости* (Чакырова 2003). Этот подход показывает, что грамматическое значение, обладающее определенным маркером, может рассматриваться как скрытое при том условии, что оно не может быть выражено за пределами определенной группы слов. Так как свидетельская флексия *-x/-ше-* может добавляться только к непересказывательным и неумозаключительным формам аориста, выражающим значение абсолютного предшествования (*писак*), а также к относительным формам типа *пишех, бях писал* и др., нам кажется обоснованным вопрос о том, можно ли рассматривать свидетельственность как криптиотипное значение. Оппозиция свидетельских и несвидетельских форм не реализуется в пределах определенной лексико-грамматической категории, как в случае с МК повторяемости. На наш взгляд, если определенное грамматическое значение будет рассматриваться как скрытое в данной граммеме, возникнет противоречие. Мы неоднократно отмечали, что следуем принципу, согласно которому все словоформы определенной части речи участвуют во всех присущих ей морфологических категориях (Куцаров 2007: 27). Если принять, что значение *свидетельственности* скрыто в рамках грамматической непересказывательности, объединяющей в себя все свидетельские формы, то вне противопоставления останутся пересказывательные формы, которые, по И. Куцарову, также должны быть включены в оппозицию признаков *свидетельственности* : *несвидетельственности* (Куцаров 2013: 18). Аналогичное может произойти, если рассматривать свидетельственность как скрытое значение любой граммемы в составе определенной глагольной морфологической категории. Все грамматические формы, присущие определенной данной речи, оказываются объединенными на уровне морфологических категорий. Однако, на наш взгляд, неправомерно рассматривать категорию рецептивности как скрытую внутри другой категории, поскольку ее структура напоминает организацию самостоятельной двухчленной категории вида высказывания. Также как не существует однородных отношений противопоставления между грамеммами пересказывательности и непересказывательности (ср. *пишеше* : *пишел*), так и *пише* : *пишеше* отличаются друг от друга по двум дистинктивным признакам (относительности и свидетельственности). Если формы типа *пише, пишел, пишел е* считаются одинаково несвидетельскими, поскольку не содержат флексию *-x/-ш(e)-*, то не существует теоретического ограничения, согласно которому они не могли бы быть объединены в пределах граммемы *несвидетельственности*, образующей привативную оппозицию с

маркированной граммемой *свидетельственности*. Можно провести сравнение с моделью трехчленной категории времени по концепции И. Куцарова. Исследователь защищает тезис о том, что существует три темпоральных граммемы: прошедшее время, настоящее время, будущее время (Куцаров 2007). Грамматические образования абсолютного предшествования (*писа*) не могут сочетаться с маркерами значений *относительности* и *результативности*, но для граммем настоящего и будущего времени такого ограничения не существует: *пишех*, *писал съм*, *бях писал*, *щях да пиша*, *ще съм писал*, *щях да съм писал* и т. д. По этой причине в СБЯ можно выразить одновременность действия по отношению к моменту речи (*пише*), одновременность действия с другим действием в прошлом (*пишеше*), одновременность результата действия с моментом речи (*писал е*), одновременность результата действия с другим действием в прошлом (*беше писал*), последование действия относительно момента речи (*ще пише*), последование действия относительно другого действия в прошлом (*щеше да пише*), последование результата действия относительно момента речи (*ще е писал*), последование результата действия относительно другого действия в прошлом (*щеше да е писал*). Как видно, большой ряд форм выражает значение настоящего и будущего времени, поскольку они могут сочетаться с маркерами значений других морфологических категорий (таксиса, вида действия и т. д.). Отличие между *пише* и *писал е* состоит в том, что второе грамматическое образование маркировано еще и результативностью, но это не значит, что оно не участвует в оппозиции *разновременность* : *неразновременность* в качестве части немаркированной *одновременности*. По этой причине мы считаем, что включение форм типа *пише*, *пишел*, *пишел е* в состав немаркированной граммемы *несвидетельственности* как части двухсоставной МК рецептивности, не противоречит тому, каким образом организованы другие глагольные категории в СБЯ.

На наш взгляд, есть основания согласиться с гипотезой И. Куцарова о существовании обособленной МК *очевидности*, которую мы называем термином К. Чакрыровой *рецептивность*, поскольку название определенной морфологической категории должно быть родовым для семантики, выражаемой одной из граммем, принимающих в ней участие. МК рецептивности основывается на формально-семантической оппозиции *свидетельственности* : *несвидетельственности* (в которой основное значение немаркированного члена – *дистанцированность*). Морфемой **-x/-ш(e)-** маркирована граммема *свидетельственности*, которая привативно противопоставлена немаркированной *несвидетельственности*. Мы считаем несвидетельскими все грамматические образования, не содержащие флексию **-x/-ш(e)-**, то есть *пише* – это изъяснительная, непересказывательная,

несвидетельская форма, *пишел* – изъяснительная, пересказывательная, несвидетельская форма, *пишел е* – умозаключительная, пересказывательная, несвидетельская форма и т. д. Все перечисленные грамматические образования объединены значением *несвидетельственности* и противопоставлены форме *пишеше*.

В третьей главе диссертации представлены концепции выдающихся лингвистов, связанные со значением морфемы *-x/-ш(e)-* в плане диахронии и синхронии. В ходе изложения внимание сосредоточено на способе выражения информации о лице в составе форм аористно-имперфектного типа. Осуществлена попытка найти ответ на вопрос, почему в морфологической системе болгарского языка существуют омонимичные грамматические образования типа *рече* (аорист, второе лицо единственного числа), *рече* (аорист, третье лицо единственного числа); *речеше* (имперфект, второе лицо единственного числа), *речеше* (имперфект, третье лицо единственного числа). Комментируется статус звука Е, который выступает в составе имперфектных грамматических образований типа *четешЕ*, *мислешЕ*.

Непосредственно связан с проблемой значения морфемы *-x/-ш(e)-* вопрос о выражении персональной семантики в формах первого лица аориста типа *писах*, *четох*, *метох*. Р. Ницолова приводит следующую цитату из произведения Х. Смирненского: «Поздравих пролетта, поздравих младостта/и възторжен разтворих очи» («(Я) приветствовал весну, (я) приветствовал молодость/ и в восторге (я) открыл глаза»), чтобы поддержать утверждение о том, что болгарской язык принадлежит к группе языков с нулевым субъектом (Ницолова 1984: 46). Другой исследователь, придерживающийся аналогичной точки зрения на рассматриваемую проблему, – В. Станков. Он полагает, что морфема *-x-* многозначна, поскольку является одновременно флексией прошедшего времени (Станков 2009: 12) и первого лица: «Личные местоимения я, ты, он, (она, оно), мы, вы, они обладают свойством фиксировать референт в пространстве и времени: „Аз стоя на морския бряг“ („Я стою на берегу моря“). В этом случае функции местоимений полностью синхронизированы с категорией лица, выражаемой окончаниями глаголов. В определенном контексте это делает лишними личные местоимения: „Вчера (аз) ходих на кино“ („Вчера (я) ходил в кино“»)» (Станков 2009: 16). Рассуждения обоих болгарских лингвистов являются предпосылкой для поиска ответа на вопрос, почему морфема *-x-* может функционировать и как личная флексия. С другой стороны, она сочетается с *-ме* – грамматическим маркером первого лица множественного числа: *писахме*, *четохме* и *-те* – маркером второго лица множественного числа: *писахте*, *четохте*, *метохте*. Ответ можно дать, если принять во внимание тот факт, что морфема *-x-*, производная от сигмы, изначально не являлась личной флексией. В связи с законом открытого слога было удалено личное

склонение *\*-m*, и, вероятно, по этой причине в ходе развития языка его семантика перешла на ближайшую предшествующую морфему: *\*rí-s-o-m > пихъ* (примерът из: Славова 2017: 312). Однако это изменение происходило внутри грамемы единственного числа, где в результате действия того же фонетического закона совпали формы второго и третьего лица: *рече, рече*, и таким образом грамматические образования первого лица типа *рекохъ* оказались отличимыми в достаточной степени, чтобы могли употребляться без дополнительного лексического периферийного модификатора *азъ*.

Мы согласны с мнением, что морфема *-x-/-ш(e)-* в современном болгарском языке не является показателем абсолютного предшествования, поскольку существуют формы прошедшего времени, в которых она отсутствует. Она также не может быть маркером значения зависимого таксиса, так как, если она выполняет только эту функцию, то логично, что ее не будет в составе непересказывательных и неумозаключительных форм прошедшего времени. Мы принимаем тезис А. Александрова о том, что сегодня *-x-/-ш(e)-* является свидетельской флексией, поскольку все словоформы, в которых она участвует, могут функционировать в свидетельском контексте. Мы рассматриваем *-ше-* как цельную флексию (см. Станков 2009: 12), выступающую алломорфом свидетельской морфемы *-x-*, поскольку Е в составе форм имперфекта нельзя выделить как отдельную морфему, выражающую определенное значение. Мы полагаем, что регрессивное «смещение границы между лексическими и грамматическими морфемами в глагольной словоформе», о котором пишет И. Куцаров (Куцаров, цит. по Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998: 288), могло быть следствием стремления языка выделить единый формальный показатель значения прошедшего времени. Морфема *-x-* в современном болгарском языке в пределах единственного числа выполняет также функцию маркера лица (Станков 2009: 16).

В четвертой главе представлена вся парадигма свидетельских форм в современном болгарском языке, комментируются формально-семантические и функциональные особенности свидетельских грамматических образований. Уточнено, что грамматикализированное значение *свидетельственности* является абстрактным. Свидетельствуют об этом не только возможные употребления свидетельских грамматических образований в несвидетельском контексте (например, в языке СМИ, в отдельных частях исторических трудов, см. Станков 1969, Ницолова 2008), но и сочетание свидетельской флексии *-x-/-ш(e)-* с субъективно-модальными граммемами кондиционала и аналитического императива. Как известно, только аналитические относительные результативные и нерезультативные повелительные формы типа *нека кажеше, дано беше успял* и т. д. содержат свидетельскую морфему *-x-/-ш(e)-*. Специфическим по своей семантике

является побуждение к совершению контрфактического действия (Чакырова 2009: 36). При помощи таких форм говорящий выступает не как очевидец сообщаемого факта или его результата, а как квази-свидетель действия, которое невозможно реализовать, но которое весьма желательно: «Нека си беше взел изпита» («(Я) бы хотел, чтобы (ты) сдал экзамен», то есть «Мне очень хотелось, чтобы это произошло, но этого не произошло»). Мы считаем, что правомерно считать формы условного наклонения свидетельскими, в более широком понимании свидетельственности, а именно: не просто засвидетельствование действия или результата действия, но возможность выразить свидетельское отношение к действию, зависящее от выполнения определенного условия.

Объектом анализа в четвертой главе являются ненормативные положительные относительные нерезультативные и результативные свидетельские формы последствования типа *ще пишех*, *щеше да пиша*, *ще бях писал*, *щеше да съм писал*, большую часть которых зарегистрировали А. Теодоров-Балан, А. Александров и И. Харалампиев (Теодоров-Балан 1957; Александров 1983; Харалампиев 1997). Не все ненормативные формы будущего времени одинаково распространены. Частота употребления нерезультативных грамматических образований, содержащих частицу *щеше* или *ще*: *щеше да пиша*, *ще пишех*, значительно выше, чем частота таких результативных форм, как *ще бях писал*, *щеше да съм писал*. С другой стороны, примеры, обнаруженные на болгарских сайтах, доказывают, что люди, живущие на территории Болгарии и не пользующиеся западно-болгарским диалектом, предпочитают частицу *щеше* частице *ще*. Наши наблюдения подтверждают тезис И. Харалампиева, согласно которому утверждение типа *ще пишех* идет в направлении с запада на восток (Харалампиев 1997). Медленное распространение варианта *ще бях писал*, по нашему мнению, связано с невозможностью образовать из него пересказывательные конклюдивные: *\*ще бил бил писал*. Участие неизменяемого элемента *щеше* в составе форм первого, второго и третьего лица: *щеше да пиша*, *щеше да пишем*, *щеше да пишеш*, *щеше да пишете*, *щеше да пише*, *щеше да пишат* – не позволяет принять тезис о том, что в комплексе *-ше* присутствует личная флексия. Мы полагаем, что с современной точки зрения *-ше-* является цельной флексией, алломорфом свидетельской морфемы *-х-*.

В четвертой главе представлены также наши наблюдения, связанные с рецепцией значения *свидетельственности* в современном болгарском языке. Желание проверить, как воспринимается информация, передаваемая при помощи разных грамматических образований, побудило нас провести анонимный опрос на тему «Функционально-семантические особенности некоторых глагольных форм в современном болгарском языке». Опрос

проходил в период с августа 2021 года по май 2022 года. В качестве основного применялся метод анкетирования. С помощью приложения Google Forms была подготовлена карточка опроса, которая впоследствии была размещена в различных интернет-группах. В опросе приняли участие 700 респондентов. Из них 337 человек – с высшим филологическим образованием, 270 – с высшим нефилологическим образованием, 83 – со средним образованием, 9 респондентов с основным и один – с начальным образованием. Полученные данные свидетельствуют о том, что современные носители болгарского языка считают, что в контексте, в котором не используются периферийные свидетельские модификаторы, формы аориста, имперфекта и плюсквамперфекта самостоятельно выражают свидетельское отношение говорящего к сообщаемому факту. По этой причине инвариантное значение грамматических образований, маркированных флексией *-х/-ше*, оправдано назвать свидетельственностью. Результаты показывают, что транспозитивное использование свидетельских вместо дистантных форм распознается носителями языка и расценивается как правильное, когда цель состоит в том, чтобы внушить ощущение о достоверности передаваемой информации. Грамматические образования типа «мислел беше», «бе търсел» большинством респондентов указаны как неправильные.

Объектом исследования в **пятой главе** являются периферийные свидетельские модификаторы в современном болгарском языке. Их можно описать в рамках ядерного ФСП *эвиденциальности*, в ядро которой мы помещаем морфологическую категорию *рецептивности*. Лексические свидетельские модификаторы не так многочисленны, но имеются различия в выполняемых ими функциях. Наиболее активно используются слова *наблюдавам, виждам, гледам*. Они неграмматическим образом выражают значение ядерных свидетельских модификаторов и употребляются преимущественно в сочетании с формами презенса, не содержащими морфемы *-х/-ш(е)*. С семантической точки зрения оправдано помещать эти глаголы ближе всего к ядру ФСП эвиденциальности. Нередко употребляются также синтаксические модификаторы – вводные предложения с участием глаголов такого типа (формы которых чаще всего маркированы свидетельственностью) – ср.: *както уснях да забележа, както се оказа, както видях*. Более удаленными от ядра свидетельственности мы считаем лексические глагольные модификаторы *привиди се, привижда се, мярна, мярвам*, поскольку в них содержится значение плохо воспринятой свидетельской информации. Они не используются в текстах, передающих достоверную информацию. Глагол *скивам* встречается чаще всего в повелительной форме *скивай*. *Скивам* вместе с вариантами *скив, ский* – это языковые единицы, характерные для разговорной речи. Лексические модификаторы *зърна, зървам, съзра, съзирам, съзерцавам* и *взирам се*

присутствуют в художественной литературе. Примечательно, что все периферийные лексические модификаторы свидетельственности в современном болгарском языке являются глаголами. Применение функционального критерия доказывает, что имена существительные *свидетел* и *очевидец* не могут передать свидетельское отношение говорящего к сообщаемому факту, если они не входят в состав составных сказуемых: *очевидец съм, свидетел съм* (или *бях свидетел, бях очевидец* – с участием маркированной свидетельской формы вспомогательного глагола) и т. д. Особое место на периферии ФСП эвиденциальности занимают транспозиции, в которых участвуют граммы свидетельственности и несвидетельственности.

В заключении исследования представлены следующие выводы:

1. До середины XX века свидетельственность в болгарском языкознании чаще всего рассматривалась как семантическая особенность, присущая некоторым глагольным формам.

2. В общетеоретическом плане после публикации работы «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (Якобсон 1957/1972) грамматические формы, при помощи которых говорящий указывает на источник информации, интерпретируются преимущественно в рамках категории эвиденциальности.

3. В модели категории эвиденциальности Р. Ницоловой (Ницолова 2003, 2006, 2008) и К. Алексовой (2003), демонстрирующей сходство с категорией модуса высказывания Г. Герджикова (Герджиков 1977, 1984), нет обособленной граммы *свидетельственности*, так как все трое исследователей отрицают наличие свидетельских форм в болгарском языке.

4. Мы придерживаемся мнения, что в современном болгарском языке *-х-* является свидетельской флексией (Иванчев 1986, Александров 1987, 1988, Шаур 1989 и др.), поскольку, если бы говорящий не был очевидцем сообщаемой информации, он не мог бы построить повествование полностью из непересказывательных и неумозаключительных форм типа аориста и имперфекта.

5. Исходя из того, что в болгарском языке нет несвидетельской флексии, мы полагаем, что все грамматические образования, не содержащие маркер *-х-/-ш(е)-*<sup>12</sup>, входят в состав немаркированной граммы *несвидетельственности*, вступающей в привативную оппозицию с граммемой *свидетельственности* в пределах двухчленной МК *рецептивности*.

---

<sup>12</sup> За исключением непересказывательных и неумозаключительных форм аориста второго и третьего лица единственного числа.

6. Важным является вопрос, связанный с выражением значения *свидетельственности* непересказывательными и неумозаключительными формами аориста второго и третьего лица единственного числа. На наш взгляд, неактуализированный тематический гласный основы прошедшего времени в их составе выполняет также функцию свидетельского маркера.

7. Данные истории языка позволяют принять утверждение В. Станкова о том, что алломорфом морфемы *-x-* является весь комплекс *-ше-*, а не только *-ш-* (Станков 2009: 12). Первоначально *-x-* не было личной флексией, но в результате исторических изменений исконный маркер значения первого лица в формах аориста и имперфекта в пределах граммы единственного числа был утерян. Поскольку морфема *-x-/-ш(e)-* не обнаруживается в составе пересказывательных и умозаключительных форм, всегда сочетающихся либо со значением абсолютного предшествования, либо с зависимым таксисом, она не является маркером времени или относительности.

8. Наличие свидетельского маркера *-x-/-ш(e)-* в составе условных и относительных непересказывательных и неумозаключительных повелительных глагольных форм доказывает, что свидетельственность как грамматическое значение абстрактна по своему характеру. Говорящий может выдать себя свидетелем действия, зависящего от выполнения определенного условия: *бих писал*, или очевидцем действия (или результата действия), которое очень желательно, но которое нельзя осуществить: *дано дойдеше, нека да беше усял*.

9. Проведенный в целях настоящего исследования опрос на тему: «Функционально-семантические особенности некоторых глагольных форм в современном болгарском языке» показывает, что большинство респондентов воспринимает грамматические образования, содержащие морфему *-x-/-ш(e)-*, как свидетельские. Они распознают транспозитивное использование свидетельских форм в языке средств массовой информации, когда цель состоит в том, чтобы придать достоверность передаваемой информации.

10. Периферийные модификаторы значения *свидетельственности* могут быть описаны в ядерном ФСП эвиденциальности. Они не особо многочисленны, поскольку в СБЯ имеются специализированные грамматические средства, которые используются чаще всего при передаче информации, засвидетельствованной говорящим.

## Цитируванна в автореферате литература

- Эйхенвалд 2004:** Aikhenvald, A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Александров 1983:** Александров, А. Конкуренция на глаголните форми за бъдеще време в миналото в съвременния български език. // *Български език*, 1983, кн. 2, 154 – 159.
- Александров 1987:** Александров, А. Универсален модус на изказване в българската темпорална система. // *Доклади от Втория международен конгрес по българистика*. София: БАН, 1988, № 3, 491 – 498.
- Александров 1988:** Александров, А. Класификация на българските глаголни времена според модуса на изказването. // *Съпоставително езикознание*, 1988, кн. 4 – 5, 94 – 103.
- Алексова, http:** Алексова, К. *Дубитативът в съвременния български език, лексикалните модификатори за достоверност и маркерите за емотивност*. <[https://www.academia.edu/31802171/ДУБИТАТИВЪТ\\_В\\_СЪВРЕМЕННИЯ\\_БЪЛГАРСКИ\\_И\\_ЕЗИК\\_ЛЕКСИКАЛНИТЕ\\_МОДИФИКАТОРИ\\_ЗА\\_ДОСТОВЕРНОСТ\\_И\\_МАРКЕРИТЕ\\_ЗА\\_ЕМОТИВНОСТ\\_1](https://www.academia.edu/31802171/ДУБИТАТИВЪТ_В_СЪВРЕМЕННИЯ_БЪЛГАРСКИ_И_ЕЗИК_ЛЕКСИКАЛНИТЕ_МОДИФИКАТОРИ_ЗА_ДОСТОВЕРНОСТ_И_МАРКЕРИТЕ_ЗА_ЕМОТИВНОСТ_1)>, изтеглено на 11 септември 2019 г.
- Андрейчин 1942:** Андрейчин, Л., *Основна българска граматика*. София: „Хемусъ А. Д.“, 1942.
- Бейнова 2013:** Бейнова, М. *Кратка българска граматика*. София: Скорпио, 2013.
- Бондарко 1976:** Бондарко, А. В., *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука, 1976.
- Бондарко 2001:** Бондарко, А. В., *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
- Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998:** Бояджиев, Т., И. Куцаров, Й. Пенчев. *Съвременен български език*. София: „Петър Берон“, 1998.
- Бульгина, Шмельов 1997:** Бульгина, Т. В., А. Д. Шмельов. Грамматические и семантические категории и их связи. // *Языковая концептуализация мира (на материалле русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997, 15 – 45.
- Буров 2004:** Буров, С. *Познатието в езика на българите*. Велико Търново. Фабер, 2004.
- Герджиков 1977:** Герджиков, Г. Една специфична глаголна категория в българския език (категорията „ангажираност на говорещия с изказването на действието. // *ГСУ, ФСФ*, т. 69, 2, 1977, 5 – 68.
- Герджиков 1984:** Герджиков, Г. *Преизказването на глаголното действие в българския език*. София: Наука и изкуство, 1984.
- Дьомина 1970:** Дьомина, Е. И. Към историята на модалните категории на българския глагол. // *Български език*, 1970, № 5, 405 – 421.
- Демина 1973:** Демина, Е. И. К вопросу о генезисе модалных категорий болгарского индикатива. // *Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков*. Москва: Наука, 13 – 17.
- Демина 1974:** Демина, Е. И. Место прошедших времен в системе модалных оппозиций болгарского индикатива. // *В памет на професор Стойко Стойков (1912 – 1969)*. София: БАН, 363 – 369.
- Дуриданов 1973:** Дуриданов, И., За логическата основа на граматическите категории. // *Проблеми на логиката. Т. V Логика и езикознание*, 1973, 43 – 60.
- Иванчев 1986:** Иванчев, С. Рецензия за „Преизказване на глаголното действие в българския език. // *Съпоставително езикознание*, 1986, № 4, 80 – 85.
- Кацнельсон 1972:** Кацнельсон, С. Д. «Скрытая» грамматика и формы ее обнаружения. // *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград: Наука, 1972, 78 – 93.
- Конески 1967:** Конески, Б. *Грамматика на македонскиот литературен јазик*. Скопие: Култура, 1967.

- Костов 1939:** Костов, Н. *Българска граматика*. София: Казанлъшка долина, 1939.
- Кръстев 1992:** Кръстев, Б. *Грамматика за всички*. София: Наука и изкуство, 1992.
- Кръстева 2003:** Кръстева, В. *Обща българска граматика*. София: Скорпио ви, 2003.
- Куцаров 1985:** Куцаров, И. *Очерк по функционално-семантична граматика на българския език*. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 1985.
- Куцаров 1994:** Куцаров, И. *Едно екзотично наклонение на българския глагол*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1994.
- Куцаров 2007:** Куцаров, И., *Теоретична граматика на българския език. Морфология*. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2007.
- Куцаров 2013:** Куцаров, И. *Презказването*. // *Съпоставително езикознание*, 2013, кн. 2 – 3, с. 17 – 49.
- Куцаров 2017:** Куцаров, И. *Evidential не е презказност*. // *Доклади от юбилейната научна сесия „Съвременни тенденции в езиковедските изследвания“*, посветена на 85 години от рождението на проф. д.ф.н. Йордан Пенчев. София: БАН „Проф. Марин Дринов“, 2017, 41 – 53.
- Куцаров, К. 1998:** Куцаров, К. *Свидетелственост – грамема в категорията вид на изказването*. // *Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“*, том 36, кн. I, 1998, 209 – 215.
- Макарцев 2013:** Макарцев, М. М., *Съобщенията за Русия в българския печат от втората половина на XX век (към въпроса за използването на евиденциалността)*. // *Съпоставително езикознание*, 2013, кн. 2 – 3, 224 – 237.
- Макарцев 2014:** Макарцев, М. М. *Евиденциалност в пространстве балканского текста*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014.
- Маровска 2013:** Маровска, В. *Референция и рефериране в света на езика*. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2013.
- Маслов 1956:** Маслов, Ю. С. *Очерк болгарской грамматики*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
- Маслов 1981:** Маслов, Ю. С. *Грамматика болгарского языка*. Москва: Высшая школа, 1981.
- Мелчук 2015:** Мелчук, И. А. *Курс по обща морфология*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2015.
- Ницолова 2003:** Ницолова, Р. *Семантическа гиперкатегория «характеристика говорещим сообщаемой информации и ее связь с временем и лицом глагола»* // *Материали международной научной конференции Санкт-Петербург 22 – 24 септември 2003 г.* Санкт-Петербург: Наука, 2003, 108 – 112.
- Ницолова 2006:** Ницолова, Р. *Взаимодействие евиденциалности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке*. // *Вопросы языкознания*, РАН, 2006, № 4, 27 – 45.
- Ницолова 2007:** Ницолова, Р. *Модализованная евиденциалная система болгарского языка*. // *Евиденциалност в языках Европы и Азии*. Санкт-Петербург: Наука 2007, 107-197.
- Ницолова 2008:** Ницолова, Р., *Българска граматика: морфология*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2008.
- Ницолова 2009:** Ницолова, Р. *Социолингвистични промени при предаване на чужда реч в българския печат през последните две десетилетия в съпоставка с полския печат*. // *Съпоставително езикознание*, 2009, кн. 2, 1 – 12.
- Ницолова, Со Янг Ким 2020:** Ницолова, Р., Со Ынг Ким. *Употреба на евиденциалите при предаване на съница в българския и в корейския език*. // *Руселина Ницолова. Избрани трудове*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2020, 346 – 357.
- Пашов 1999:** Пашов, П. *Българска граматика*. Пловдив: Хермес, 1999.

- Пенчев 1967:** Пенчев, Й. Към въпроса за времената в съвременния български език. // *Български език*, 1967, № 2, 131 – 143.
- Пенчева 2001:** Пенчева, М. *Човекът в езика. Езикът в човека*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2001.
- Първев 1975:** Първев, Х., *Очерк по история на българската граматика*. София: Наука и изкуство, 1975.
- Радулов 1870:** Радулов, С. *Начална граматика за изучение на българския език*. Болград: Печатница на централното училище, 1870.
- Станков 1967/1976:** Станков, В. Категории на индикатива в съвременния български език. // *Български език*, 1967, № 4, 330 – 344.
- Станков 1969:** Станков, В. *Българските глаголни времена*. София: Наука и изкуство.
- Станков 2009:** Станков, В. Граматично значение и контекст. // *Проблеми на граматичната система на българския език – глагол*. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2009, 10 – 50.
- Стойчев 2019:** Стойчев, С., *Българският релатив и чешкият език или за съвременния български морфологичен релатив и неговите функционални еквиваленти в съвременния чешки език*. София: Силует, 2019.
- Стоянов 1964:** Стоянов, С. *Граматика на българския книжовен език*. София: Наука и изкуство, 1964.
- Теодоров-Балан 1957:** Теодоров-Балан, А. Склонение и спрежение в българската граматика. // *Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов*. София: БАН, 1957, 29 – 36.
- Трифонов 1896:** Трифонов, Ю. [Рецензия]. // *Училищен преглед*, 2, 1896, 305 – 320.
- Трифонов 1905:** Трифонов, Ю. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола съм в новобългарския език. // *Периодично списание на Българското книжовно дружество*, кн. 3 – 4, 1905, 155 – 192.
- Търпоманова 2015:** Търпоманова, Е. *Евиденциалност в балканските езици: български и албански*. София: Ни плюс, 2015.
- Уорф 1972:** Уорф, Б. Граматическите категории. // *Принципи типологического анализа языков различного строя*, 1972. Москва: Наука, 41 – 60.
- Харалампиев 1997:** Харалампиев, И. *Бъдещето на българския език от историческо гледище*. Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 1997.
- Цонев 1985:** Цонев, Б. *История на българския език*. София: Наука и изкуство, 1985.
- Чакърова 2003:** Чакърова, К. *Аспектуалност и количество*. Велико Търново: Фабер, 2003.
- Чакърова 2008:** Чакърова, К. Наративни преходи в романа „Антихрист“ на Емилиян Станев. // *Емилиян Станев и безкрайните ловни полета на литературата. Юбилеен сборник по повод 100 години от рождението на писателя*. В. Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2008, стр. 147 – 159.
- Чакърова 2009:** Чакърова, К. *Императивът в съвременния български език*. Пловдив: Пигмалион, 2009.
- Чакърова 2019 (ръкопис):** Чакърова, К. *Нов поглед към евиденциалността в съвременния български език*, 2019.
- Шаур 1989:** Шаур, В. Йерархия на признаците на българските глаголни времена. // *Съоставително езикознание*, 1989, № 1, 45 – 55.
- Якобсон 1972:** Якобсон, Р., О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. // *Принципи типологического анализа языков различного строя*, Москва: Наука, 1972, 95 – 113.
- Янакиев 1962:** Янакиев, М. Българските глаголни времена, с които се съобщава за минали събития, и начините за превеждане на руското „прошедшее время“. // *Български език и литература*, 1962, № 2, 3 – 10

## Публикации по теме дисертации

1. **Стаменов 2020:** Стаменов, В. Към въпроса за ядрените модификатори във функционално-семантичното поле на персоналноста в съвременния български език. Релацията персоналност – свидетелственост. // *Verba iuvenium*, т. 2. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2020, 60 – 72 .
2. **Стаменов 2020а:** Стаменов, В. Към въпроса за категорията „рецептивност“ в съвременния български език // *Научни трудове на Съюза на учените в България – Пловдив. Серия Б. Естествени и хуманитарни науки*. Том XX. Пловдив: 2020, 80 – 83.
3. **Стаменов 2022:** Стаменов, В. Наблюдения върху функционирането на периферийните свидетелски модификатори в съвременния български език“ // *Verba iuvenium*, т. 4. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2022, 53 – 66 .
4. **Стаменов 2023:** Стаменов, В. Граматичното значение свидетелственост – характерна особеност на българската морфологична система. // *Vulgarica* 5, 2023, 115 – 131
5. **Стаменов 2023а:** Стаменов, В. Към въпроса за наративните системи в съвременния български език (опозицията свидетелски : несвидетелски разказ). // *Дзяло*, т. XXVI, 2023.

## Справка о научном вкладе диссертации

1. В диссертации впервые осуществлен подробный аналитический обзор мнений о значении *свидетельственности* в болгарской лингвистической литературе. Критически проанализированные данные из истории отечественного языкознания могут способствовать дальнейшим исследованиям по данной теме.

2. Аргументируется возможность обособления двухчленной морфологической категории *рецептивности*, основанной на формально-смысловой оппозиции *свидетельственность* : *несвидетельственность* (с основным значением немаркированного члена *дистанцированность*). Маркирована флексией **-х/-ше-** граммема *свидетельственности*.

3. Осуществлен поиск ответа на редко задаваемые вопросы в болгарском языкознании, а именно: каково значение флексии **-х-** в составе современных форм аориста и имперфекта типа *некох, печех, щях да чета, щях да съм чел* и т. д.; почему непересказывательные и неумозаключительные формы третьего лица прошедшего времени не содержат морфемы **-х/-ш(е)-**.

4. Впервые представлены все формы, входящие в парадигму *свидетельственности* в современном болгарском языке.

5. Впервые комментируются формально-семантические особенности всех типов свидетельских форм, а также иллюстрируется их использование примерами из художественной литературы, медиатекстов, форумов, Болгарского национального корпуса и т. п.

6. Тщательно рассматривается возможность сочетания конклюдивных модификаторов типа *май, трава, вероятно, навярно, сигурно* и т. д. со свидетельскими формами глаголов.

7. Приводятся аргументы в поддержку тезиса о том, что в современном болгарском языке четыре повествовательных плана в сфере прошлого (нейтральный, умозаключительный, пересказывательный и свидетельский), возможно, являются частью **текстовой категории evidential**.

8. Диссертация является первым болгарским монографическим исследованием, в котором грамматикализованное значение *свидетельственности* описывается с использованием теории функционально-семантических полей.

9. Аргументируется возможность обособления ФСП *эвиденциальности*, в ядро которой мы помещаем МК *рецептивности*.

10. Впервые описаны неморфологические средства, при помощи которых выражается свидетельское отношение говорящего к предъявляемой информации. Представлены лексические и синтаксические модификаторы периферийных свидетелей.

11. В диссертации представлены результаты, связанные с отношением современных носителей языка к информации, передаваемой разными глагольными формами. Основные цели масштабного исследования «Функционально-семантические особенности некоторых глагольных форм в современном болгарском языке», в котором приняли участие 700 респондентов, заключаются в том, чтобы проверить: 1) в состоянии ли лица, владеющие болгарским языком распознавать свидетельские формы в несвидетельском контексте в языке СМИ; 2) считают ли правильным транспозитивное употребление свидетельских форм в несвидетельском контексте в языке СМИ; 3) воспринимают ли информацию, передаваемую формами, содержащими флексию *-х/-ше*, как более достоверную, чем информацию, сообщаемую другими грамматическими образованиями; 4) воспринимают ли как неправильную замену аористного причастия имперфектным в формах плюсквамперфекта.